

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Э. В. ХАНЗАДЯН

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙШИХ ПЛЕМЕН
АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ
(III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЕРЕВАН 1964

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

հարկի հարգանքով և անհատական
համբավով և արժանի անձնությամբ.

Э. В. ХАНЗАДЯН

ԵՃԵՄ

16. XI. 64

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙШИХ ПЛЕМЕН
АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ
(III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

21004
956

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Работа выполнена в Институте археологии и этнографии Академии наук АрмССР.

Защита диссертации состоится в 18. XII . . . 1964 г. на открытом заседании Ученого Совета Института истории АН АрмССР.

Отзывы просим направлять по адресу: г. Ереван, ул. Абовяна, 15, Ученому секретарю Института истории АН АрмССР.

Автореферат разослан 16. XI . . . 1964 г.

Ученый секретарь Института истории АН АрмССР.

При изучении прошлого ранне-земледельческих племен Закавказья, как и вообще Кавказа, особое и своеобразное место занимают история и культура местных племен Армянского нагорья эпохи ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.), исследованию которых и посвящен настоящий труд.

В изучаемую эпоху земледелие и скотоводство переживают новый период развития. Металлургия вступает во второй этап своей истории, что кладет начало новой фазе развития первобытно-общинного строя местных насельников.

Работа написана на основе собранных нами материалов. Исследованы также материалы, хранящиеся в музеях Армении, Москвы, Ленинграда, Баку и Тбилиси. Кроме того, использован ряд рукописных отчетов и тезисов докладов, хранящихся в научных архивах Института археологии и этнографии АН АрмССР, Московского института археологии и Государственного музея Грузии; привлечены также и некоторые этнографические данные.

Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. К ней приложены список использованной литературы и альбом с иллюстрациями из 29 таблиц.

Введение. Вследствие благоприятных природно-климатических условий Армянское нагорье было одним из древнейших очагов человечества и созданной им культуры.

Выявление примечательных памятников эпохи ранней бронзы началось уже в 70 годы прошлого века.

В 1879 г. А. С. Уваров и А. Д. Ерицян обнаружили материалы, относящиеся к раннебронзовой эпохе, в погребениях в Армавире, а в 1887 г. — в деревне Мечитли Карсской области.

Последующие памятники указанного периода были открыты в 1893 г. Н. Я. Марром при раскопках Западного склона горы Арагац и в Ворнаке (Акнер), в 1904 г. Е. А. Лалаяном в Нахичеванском Кюль-тапа, в Нор-Баязете (Камо), в Нухе

(Азербайджан), в 1912 г. на Шреш-блуре, в 1913 г. П. Ф. Петровым в деревне Малаклу Игдырского района и т. д.

Плодотворную деятельность в этом направлении развернул Е. Байбуртян. В 1928 году он проводил раскопки в Эларе, в 1936—1938 гг. вел разведочные работы на Шреш-блуре, в Кюль-тапа, на Арагаце, в Кара-тепе, Кировакане, вел раскопки и в Шенгавите.

Дальнейшие археологические открытия относятся к послевоенному периоду. Раннебронзовые памятники были обнаружены в нижних слоях Гарни и Двина, в Кировакане, Армави-ре, Эларе, Кахси, Джрарате, Джарджарисе, на Арагаце, в Шамлухе. Сотни новых памятников были найдены на территории исторической Армении (в Турции).

Ценные материалы выявлены при раскопках Геои-тепе и Яник-тепе Иранского Азербайджана. Интересны памятники, обнаруженные в Грузии, Азербайджане, на Северном и Северо-восточном Кавказе. Вместе с армянскими памятниками они дали возможность правильно осветить культурно-историческое значение и хронологические рамки выявленных до того раннебронзовых памятников.

Г л а в а п е р в а я

ПАМЯТНИКИ РАННЕБРОНЗОВОЙ ЭПОХИ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ (ПОСЕЛЕНИЯ И ПОГРЕБЕНИЯ)

Хотя материалы этой эпохи еще недостаточно изучены, тем не менее, только на территории Советской Армении известно около шестидесяти памятников. Как было указано выше, в последнее время большая группа памятников была обнаружена и исследована также на территории исторической Армении (в Турции).

В эпоху ранней бронзы наиболее населенными местами Армянского нагорья были Айраратская долина, Котайский район (Абовян), область Мазаз (Разданский район), бассейн озера Севан, район Ташир-Дзорагет, Ширак, а на территории Исторической Армении — долина Алашкерта (Карагез) об-

ласть Вананда, Чалдранская долина, окрестности Карина (Эрзерум), Байбуртская долина, окрестности озера Ван, долины Маназкерта, Буланыха, Муша, Харберт (Элязиг) и Малатия.

Одним из выдающихся памятников Айраратской долины является Шенгавит. Поселение находится в юго-западной части Еревана, на высоком левом берегу реки Раздан. В 1936—1938 гг. здесь производил раскопки Е. Байбуртян, в настоящее время их продолжает С. Сардарян.

Поселение расположено на плато неправильной эллипсоидной формы, которое занимает приблизительно 6 га и находится на высоте 12 м от уровня реки. С трех сторон оно окружено стеной из необработанных камней. Раскопки Е. Байбуртяна обнаружили три культурных слоя, согласно же С. Сардаряну поселение имеет четыре слоя.

Во всех слоях найдены круглые жилища с прилегающими четырехугольными постройками, каменные, костяные и металлические изделия, очаги и очажные подставки, высокохудожественная керамика, формы для литья, а также материалы, относящиеся к земледелию и скотоводству и характеризующие уровень развития экономики, как и социальный строй.

Шенгавит является пока почти единственным памятником Армянского нагорья, охватывающим все стадии развития раннебронзовой культуры. Кроме Шенгавита, к известным памятникам Айраратской долины принадлежат Шреш-блур и Кюль-тапа (Эчмиадзинский район), являющиеся искусственными зольными холмами и расположенные в 7 км друг от друга. Раскопки велись Е. Лалаяном и Е. Байбуртяном. В выявленных материалах заслуживают внимание интересные комплексы орудий труда, искусно орнаментированная керамика и глиняные фигурки (людей и животных).

В долине Айрарата, на правом берегу Аракса (в Турции) особенно примечательны памятники Игдырской равнины — Малаклу, Гекчели и Яйджи.

Видными памятниками Котайкского района являются Гарни и Элар.

Гарни. Находится к востоку от Еревана, на расстоянии около 30 км, и расположено у подножия Гегамских гор на вы-

соте 1400 м от уровня моря. Для раннебронзовой культуры Гарни также характерны круглые жилища с примыкающими постройками, очаги, форма для отливки топора, сосуды для литья, орнаментированная керамика, каменные и костяные изделия. По ряду признаков Гарни частично примыкает к Шенгавиту и в основном связывается с Эларом.

Элар. Является районным центром Котайка (Абовяновского района), находится на расстоянии 18 км от Еревана. Впервые археологические исследования вели здесь Е. Лалаян (в 1927 г.) и Е. Байбуртян (в 1928 г.), которые обнаружили в различных местах Элара поселения с круглыми жилищами и ямы хозяйственного назначения. Наиболее интересные материалы дала местность под названием Карои-кал. В Эларском некрополе (которое находится в песчанном карьере и исследовано нами), в 17 раскопанных могилах форма погребения одна и та же. Здесь найдены керамика, украшения, костяные и металлические изделия.

На севере Армянского нагорья густо населенным районом является Ташир-Дзорагет. В этом районе раннебронзовыми памятниками особенно богаты Кировакан и его окрестности. Ряд памятников был обнаружен в восточной части Кировакана, в местности под названием «Димаци таг», где известны Тагаворанист и холм Маштоца, а против химкомбината — поселение Коси-Чотер.

Памятники эпохи ранней бронзы были выявлены также в окрестных деревнях. В Кировакане эти памятники находятся довольно близко друг от друга и носят преимущественно горный характер. Они построены на естественно возвышающихся высотах, окруженных реками. Коси-Чотер и Тагаворанист с юго-западной стороны имеют ряд терасс.

Исследование материалов, относящихся к памятникам Кировакана, показало, что они имеют исключительное сходство и могут рассматриваться, как результат одинаковой культуры родственных родов или племен.

Группы памятников обнаружены также в районе Спитака и Аллаверды.

Среди памятников Ширака примечателен Карнут (Дирак-

лар), который выделяется своеобразной орнаментированной керамикой.

По форме жилища Армянского нагорья изучаемой эпохи представляют собой круглые центральные сооружения с примыкающими к ним четырехугольными комнатами различной величины.

Множество круглых построек со сводчатой крышей, с круглым очагом из обожженной глины и примыкающими комнатами обнаружено в Шенгавите. Они характерны для всех слоев. Подобные жилые комплексы обнаружены и в Гарни, Эларе, Коси-Чотере, Нахичеванском Кюль-тапа. Обширное поле с круглыми жилищами простирается в Кахси (пока не исследовано).

Круглые постройки Армянского нагорья и использование сырцового кирпича характерны еще для энеолитических памятников IV тысячелетия до н. э. (в Айраратской долине — для I слоя Шенгавита и Нахичеванского Кюль-тапа, в долине реки Акстафачай — для II слоя Баба-Дервиша и для поселений Шому-тепе, Тойра-тепе), что еще раз подтверждает их местную традицию.

Упомянутые архитектурные сооружения эпохи ранней бронзы имеют свои параллели в Иранском Азербайджане (Гей-тепе, Яник-тепе). Они характерны также для ранней культуры Месопотамии и Восточного средиземноморья.

Жилища Грузии этой же эпохи имеют другую форму. Это четырехугольные помещения с закругленными углами и плоской крышей (Квацхелеби, Гудабердка—Цихнагора, Амиранис гора и т. д.).

Обобщая материал, можно заметить, что по расположению поселений раннебронзовой эпохи известны памятники двух типов: 1) на искусственных холмах, 2) на естественных холмах и возвышениях.

Искусственные холмы — это зольные скопления, характерные для низменных районов. К их числу можно отнести памятники Айраратской долины, Қараз в Эрзерумском районе.

Памятники второго типа сооружались жителями раннебронзовой эпохи на высоких горных и речных террасах, т. е. на таких площадях, которые возвышались над окружающей

местностью, что создавало благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства.

Эти памятники, к числу которых принадлежат и поселения в окрестностях Кировакана, а также Гарни, Элар и крепость Цовинар, охватывают горные и предгорные зоны. Памятники обоих типов характерны как для Закавказья, так и для Северного Кавказа.

Для культуры ранней бронзы показательны два вида погребений — индивидуальные (подавляющее большинство), и коллективные. Могильники в индивидуальных погребениях трех типов — сооруженные из мелких камней, из каменных плит и грунтовые (все три типа характерны для Элара, а могилы из каменных плит характерны для Кахси, Джарджариса и Арчеша). В каждом могильнике лежал один скелет на правом или левом боку с согнутыми ногами, со сложенными перед лицом или под челюстью руками. В могильниках встречается от одного до четырех кувшинов, каменное и металлическое оружие и кости мелкого рогатого скота.

Коллективные погребения совершались как в каменных ящиках (Арагац, верхний слой Шенгавита), так и в курганах (Джрарат, на берегу реки Хаченагет Нагорного Карабаха).

Указанные могильники и по форме погребения, и по инвентарю имеют свои параллели в Грузии — в погребениях Триаleti, деревни Таш-баш, в Озни и Кикети, в Амиранис-гора, в Квацхелеби.

Таким образом, памятники раннебронзовой эпохи Армянского нагорья дают нам определенное представление о поселениях, архитектурных сооружениях и формах погребения жителей этой эпохи, но они еще нуждаются в серьезном, всестороннем исследовании и в дальнейшем будут уточнены и дополнены новыми материалами.

Самым характерным для культуры изучаемой эпохи является то, что она присуща долинам и земледельческим районам Армянского нагорья и одновременно находит свои параллели, и в горных районах.

Глава вторая

ОРУДИЯ ТРУДА, ОРУЖИЕ, УКРАШЕНИЯ, ИГРУШКИ (КАМЕНЬ, КОСТЬ, ГЛИНА)

При раскопках памятников раннебронзовой эпохи Армянского нагорья обнаружено множество орудий труда.

1. Каменные орудия труда по своему функциональному назначению делятся на следующие группы: а) земледельческие орудия (наконечник сохи, мотыга, зернотерки, терочники, ступки, песты, вкладыши для серпов и т. д., б) ремесленные орудия труда (в обработке дерева как клинья, топоры, пила, в гончарном деле как предметы для шлифовки, для нанесения орнамента, в ткацком деле — как иголки, проколки, грузила для примитивного ткацкого станка, в обработке шкур — режущие и скобящие предметы, ножи и т. д., в) рыболовные принадлежности (грузила и др.).

Зернотерки. Наиболее примитивные орудия для растирания зерна, изготовления муки и крупы. Их находят повсюду. Зернотерки состоят из нижнего основного камня и верхнего камня — терочника. Нижние основные камни по форме делятся на четыре типа: 1) с шаровидной высокой головкой и вогнутой рабочей поверхностью, 2) массивные зернотерки без шаровидной головки, 3) продолговатые, овальные зернотерки с выпуклой нижней частью, 4) четырехугольные зернотерки с глубокой или плоской поверхностью (последние получают особенное распространение в среднебронзовую эпоху).

Верхние камни-терочники по употреблению делятся на две группы: 1) для работы одной рукой, небольшие по объему, овальной и шаровидной формы (употреблялись еще в неолитическую эпоху, были удобны для протирания небольшого количества зерна), 2) для работы двумя руками, овальной, продолговатой и ладьевидной формы. Границы распространения зернотерок очень велики. Они имеют многочисленные параллели в ранне-земледельческих синхронных памятниках.

Из сравнительного анализа обнаруженных зернотерок выясняется, что уже в раннебронзовую эпоху происходило их постепенное развитие и усовершенствование.

Ступки и песты — наиболее распространенные орудия труда, использовались как для обработки земледельческих продуктов, так и для размельчения засушенных диких плодов и корней растений. Песты по форме делятся на несколько групп. Ступки и песты бытовали длительное время и с незначительными изменениями дошли до наших дней.

Топоры, молоты. По форме и употреблению делятся на несколько видов. 1) массивные топоры-молоты с желобчатой выемкой, которые в свою очередь делятся на подгруппы. 2) клинья, возможно играли роль наконечника топора или сохи, 3) проушные клиновидные топоры (известны из Кети, Айгестана, Эчмиадзина и Ганлиджа), параллели обнаружены в Грузии, в Хизанаант-гора, в северной Осетии—Дзауджикау, на Северном Кавказе—на хуторе Новый Аршти, в Лука Врублевцевкой, на Древнем Востоке были распространены от Трои II до Алишара. Топор из Алишара очень похож на диоритовый топор из Эчмиадзина. Подобные же топоры известны и из Палестины (согласно Р. Амирану, они неместного происхождения, схожи с анатолийскими образцами III тысячелетия до н. э. и попали в Палестину путем миграции).

В Армянском нагорье известны клиновидные проушные топоры — как их металлические образцы (Ленинакан, Малаклу), так и формы для отливки (Шенгавит, Гарни, Нахичеванский Кюль-тапа). 4) Небольшие овальные проушные топоры-молоты (из Шенгавита, Пемзашена, Гнишека, Нахичеванского Кюль-тапа, в Грузии—из Нацар-гора, Царцис-гора, Урбниси). Имели широкое распространение и на Древнем Востоке, в энеолитических слоях Алишара, Тепе-гавра), 5) молоты овальные с двухсторонними ямками, бочонкообразные (из Шенгавита, Эчмиадзинского Кюль-тапа).

Таким образом, для раннебронзовой культуры Армянского нагорья характерны разновидности топоров-молотов, что свидетельствует об их употреблении в качестве орудий труда в различных областях хозяйства. Некоторые их виды употреблялись как оружие.

Обнаруживаются в большом количестве орудия для шлифовки и полировки керамических изделий, грузила для рыбной ловли.

Вкладыши для составных серпов, пилки, ножи. Они отличаются друг от друга по материалу, форме и назначению, изготовлены из кремня, обсидиана, мергеля. По форме вкладыши разделяются на трапецевидные, прямоугольные, треугольные. Первые два относятся к вкладышам средней части обойменных серпов, а третий — концевой. Найдены и узкие вкладыши обойменных ножей. Этот комплекс был удобен для разрезания мяса, скобления рыбы, дерева, костей и кожи.

Все эти вкладыши изготовлены отбивной техникой с двухсторонней подправкой отжимной ретушью.

Подобные составные вкладыши были известны многим земледельческим народам и употреблялись, начиная с неолита.

2. Орудия труда из рога и кости. Орудия из рога представлены в немногочисленных экземплярах. Они употреблялись преимущественно при земляных работах, как земледельческие орудия.

Среди костяных изделий заметно большое разнообразие. Обнаружены орудия, служившие в ткацком деле—головки веретена, иглы, спицы для вязания. Шилья-проколки по форме двух типов: 1) остроконечные шилья (могли употребляться и как проколки при изготовлении обуви из кожи или шитье одежды из шкуры, и как орудие для орнаментации глиняных изделий), 2) шилья с тупым концом (употреблялись при обработке шкур).

3. Оружие из камня и кости представлено наконечниками стрел—треугольными (трех типов: с черенком, с прямым основанием, с выемкой, изготовленными из кремня и обсидиана) и с конусообразной головкой (из кости), кинжалом (перьевидной формы, без черенка) и наконечниками булавы (шаровидными, грушевидными, дискообразными).

4. Украшения из камня, кости, пасты представлены в разнообразных формах — пуговицы, бусы, подвески, браслеты и т. д.

5. Игрушки из глины и кости известны в редких экземплярах. Характерны глиняные круги, колеса, миниатюрные кувшинчики.

Таким образом, изучение многообразных форм орудий труда и оружия дает возможность составить определенное

представление о занятиях, быте, а также о развитии техники населения эпохи ранней бронзы.

Глава третья

МЕТАЛЛУРГИЯ

Армянское нагорье издревле было известно своими природными богатствами, залежами обсидиана, меди, железа, золота, серебра, свинца.

Согласно Ж. Моргану, уже с эпохи палеолита ряд стран Древнего Востока вывозили отсюда обсидиан. Как греческие историки, так и армянские историографы сообщают множество интересных сведений о добывании и обработке металла в Армянском нагорье, как в современную им эпоху, так и в более древние периоды. Кроме того, и советские (А. А. Иессен), и зарубежные ученые (А. Гюбер, К. Шеффер и М. Дюнан) также указывают на значительную роль Армянского нагорья в деле снабжения металлом Сирии и Месопотамии на ранних этапах металлообработки.

Все это свидетельствует о том, что издревле, на ранних стадиях развития металлургии Армянское нагорье служило сырьевой базой для ряда стран Древнего Востока, и что местное население специализировалось в добыче и обработке металлов.

Хотя материалы, относящиеся к заре металлообработки (энеолиту) еще только выявляются (медные изделия I слоя Шенгавита, Нахичеванского Кюль-тапа, Шамирамалти-Тилки-тепе) и немногочисленны, но их металлографический анализ, изготовление изделий из чистой меди без искусственной примеси мышьяка, способ холоднойковки, их сравнение с материалами параллельных памятников свидетельствуют о наличии металлообработки в Армянском нагорье еще в IV тысячелетии до н. э.

Многочисленные открытия последних лет доказывают, что в III тысячелетии до н. э. металлургия вступила в новую фазу развития, которая характеризуется сложным процессом выработки и плавки металла с использованием мышьяковой брон-

зы. Металл, полученный новым способом по ряду признаков приближался к бронзе.

К фактам, свидетельствующим о наличии в Армении в эпоху ранней бронзы металлообработки и литья относятся обнаруженные разновидности топоров и их литейные формы, серпы, кинжалы, наконечники копья, дротика и украшения.

1. **Формы для отливки топоров и топоры.** Формы для отливки проушных клиновидных топоров обнаружены в Шенгавите, Гарни, Нахичеванском Кюль-тапа. В 1937 году в Шенгавите, в центре круглого жилища № 2 на полу, у обожженного очага была обнаружена половина формы, сделанной из белого известняка. В 1961 году в Гарни, в круглом жилище, вместе с чернолощенной керамикой, украшенной ямочками, и другими предметами была найдена одна створка двустворчатой литейной формы, изготовленная из огнеупорной обожженной глины. В глубинах второго слоя Нахичеванского Кюль-тапа была обнаружена двустворчатая форма для отливки проушного топора (которая сопровождалась керамикой Гарнийского типа).

Кроме литейных форм, в Ленинакане и в «Глиняном городе» Малаклу обнаружены проушные топоры из металла. Подобные же топоры были найдены в Грузии, на Северном Кавказе, а их древнейшие образцы известны на юге Месопотамии и в Эламе.

Из приведенных параллелей видно, что формы для отливки проушных топоров и сами топоры сопровождалась тождественным материалом и современны друг другу. В Армении, Грузии и Азербайджане они сопровождаются керамикой, относящейся к развитым периодам эпохи ранней бронзы.

Таким образом, найденные литейные формы и топоры относятся не к ранним, а к более развитым периодам эпохи ранней бронзы. Следуя за Б. А. Куфтиным, мы также датировем их II половиной III тысячелетия до н. э., хотя на основе анализа C_{14} некоторые ученые относят их к I половине III тысячелетия до н. э.

Топоры—клевцы. Универсальное боевое оружие и орудие, обнаружены в Аллаверды и Ленинакане. Подобные же топоры найдены в Грузии. Из количественного спектрального анализа металла топоров выясняется, что они изготовлены из

мышьяковой бронзы (в Аллавердском топоре примесь мышьяка составляет 3%, а в топорах из Грузии — 1,85—2,06%). Таким образом, применение мышьяковой бронзы в Армении и вообще в Закавказье нашло широкое распространение особенно в III тысячелетии до н. э. Б. А. Куфтин генетически связывает их, с одной стороны с топорами, обнаруженными в Ашуре, а с другой — с аккадским боевым топором Нарамсинского горельефа. Весьма возможно, что упомянутые топоры проникли в Армянское нагорье при нашествии Нарамсина в 23 в. до н. э. Эти топоры имеют свои параллели на Северном Кавказе (Майкоп), Киеве (Веремье) и других местах.

Вислообушные топоры. Один из них обнаружен в Айратской долине (привезен из Эчмиадзина), другой — в Каразе. По своей конструкции они имеют частичные расхождения. Топор из Эчмиадзина связывается по форме с севером, с топорами, обнаруженными в Абхазских долменах (которые Б. А. Куфтин датирует концом III и началом II тысячелетия до н. э.). На Эчмиадзинский топор похож топор, найденный в Орозтепе (у Эрбаа), который согласно Т. Озгючу и М. Акоку, не имеет параллелей в Анатолии и скорее связывается с севером. Весь комплекс предметов, найденных в Орозтепе, в том числе и топор, они датируют последними столетиями III тысячелетия до н. э. и считают, что топор из Караза современен им. Параллели последнего они находят в топорах, недавно обнаруженных в Махмудларе, в Кайапинаре, Полатлу и считают, что они схожи с топорами Иордана и Ахлатлибели. Если указанные сравнения правильны, то топор из Караза скорее связывается с топорами западных и юго-западных соседей Армянского нагорья. Керамика, кинжал и наконечник стрелы, обнаруженные вместе с Каразским топором имеют свои параллели в Эларе. Исходя из этих фактов, вислообушные топоры Армянского нагорья можно также датировать последними столетиями III тысячелетия до н. э.

Количественный спектральный анализ металла Эчмиадзинского топора говорит о том, что и этот топор изготовлен из мышьяковой бронзы (мышьяк составляет 3%).

Вышеприведенные факты, подтверждая хронологическую последовательность развития типов топоров и наличие тесных

культурных связей между Древним Востоком, Закавказьем и Северным Кавказом, свидетельствуют в то же время не только о существовании в Армянском нагорье и вообще на Кавказе, металлургии в раннебронзовую эпоху, но и о ее довольно высоком уровне развития, что давало возможность изготавливать топоры различных видов.

Наконечники копья. Один из них обнаружен в Нор-Баязете (Камо). Он большего размера, с коротким перьевидным концом, длинным черенком. Хотя это случайная находка, но она имеет свои параллели в Грузии, на Северном Кавказе и на Древнем Востоке и датируется II половиной III тысячелетия до н. э.

Еще один наконечник архаичной формы был обнаружен в Кировакане, в погребении позднебронзовой эпохи. Количественный спектральный анализ его металла показывает, что медь имеет незначительную примесь мышьяка (0,3%), свинца (1,5%) и большого количества олова (7%). Это обстоятельство позволяет предполагать, что получение бронзы из смеси свинца и олова применялось уже в последние периоды раннебронзовой эпохи.

Кинжалы, ножи и наконечники дротика. Известны в многочисленных экземплярах из Элара и Караза. Все они плоские, с двухсторонними острыми краями, изготовлены из мышьяковой бронзы (мышьяку 1,5—4%), были отлиты и затем подвергнуты холодной ковке. Имеют свои параллели в Грузии, Северной Осетии, на Северном Кавказе (которые А. А. Иессен относит к майкопскому периоду больших Кубанских курганов). Форма их вообще более усовершенствована. Некоторые представляют собой прототипы кинжалов I половины II тысячелетия до н. э.

Как мы видим, вышеназванное оружие характерно для Элара, а культура Элара по своей керамике хронологически соответствует проушным топорам и имеет свои параллели в Грузии, в могильниках Бармакисского шоссе, в погребениях Озни, Кикети, следовательно, все это оружие можно датировать 24—21 вв. до н. э.

Серпы и украшения. Серпы были обнаружены в Гарни (мышьяку 5%), в Нахичеванском Кюль-тапа, в Амиранис-гора.

Имеют дугообразное тулово и короткую рукоятку. Из украшений обнаружены спиралевидные браслеты, булавки, бусы и т. д.

Таким образом, в Армянском нагорье и вообще на Кавказе в эпоху ранней бронзы металлургия вступает в новую фазу, которую в науке принято называть «сознательной» металлургией. Эта фаза развития была ознаменована изготовлением нового сплава, который получает название мышьяковой бронзы. Новый сплав обладал более высоким качеством и по сравнению с чистой медью имел ряд преимуществ. Для этого периода развития характерно также разнообразие металлических изделий.

Глава четвертая

КЕРАМИКА

Раннебронзовая культура Армянского нагорья вообще отличается самобытной и богатой керамикой, которая имела довольно широкий круг распространения. Керамические изделия служили древним людям в различных областях хозяйства (для обработки и хранения как земледельческих и скотоводческих продуктов, так и продуктов других подсобных отраслей) и в быту.

Основные формы. По форме и функциональному назначению керамические изделия можно разделить на следующие основные группы:

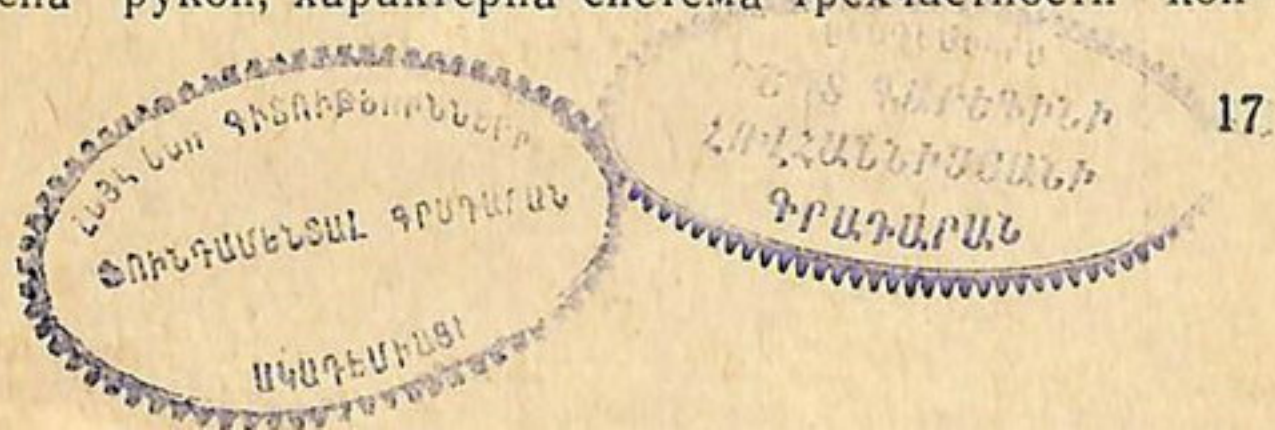
Карасы — имеют цилиндрическую шейку, раздутое тулово и суживающееся книзу днище. Венчик выгнут наружу и окаймлен узкой лентой. Внешняя поверхность чернолощенная, у основания шейки имеются полушаровидные ручки. Карасы бывают орнаментированные и без орнамента. Как показывают исследования, они преимущественно употреблялись для хранения зерна, но не исключается возможность хранения и других продуктов. Горшки по форме похожи на карасы, но они меньше по размерам и более низки. Они отличаются друг от друга различной орнаментацией и тонкими отличиями в конструк-

21000
956

ции. Есть также простые кухонные горшки. В них хранили продукты, варили обед, кипятили молоко, воду и т. д. Кубки тонкостенные, по форме напоминают горшки, некоторые из них трехчастные, другие — с плавными переходами. Кубки украшены многообразными орнаментальными мотивами. Кувшины делятся на два типа: 1. с трубчато вытянутым горлом, высоким вздутым туловом, у основания горла дугообразно выгнутые ручки, орнаментированные и гладкие, удобны для хранения жидкостей. 2. широкогорлые небольшие кувшины, с коротким горлом и вздутым биконическим туловом, с небольшим вогнутым днищем. В них было удобно варить обед. Стаканы и миски по форме и орнаментации многообразны, употреблялись для различных бытовых нужд. Сковородки-жаровни изготовлены из грубой, смешанной с песком глины, в них можно было печь хлеб, поджаривать зерна и т. п. Обнаружены также воронки, части цедилок, а также миниатюрные глиняные сосуды. Для исследуемой керамики характерно также разнообразие ручек, дисковидные крышки и т. д.

Для раннебронзовой керамики особенно характерны круглые обожженные очаги и очажные подставки. По строению очаги можно разбить на три типа — круглые с отвесными массивными стенками, с внутренними выступами, чашевидные очаги и двухчастные очаги. Обнаружено множество образцов разнообразных по форме очажных подставок — круглые, подковообразные, роговидные, пирамидальные, с высоким широким ободком и треножники. Каждая форма имеет множество разновидностей. Все они изготовлены из грубой глины с примесью песка. Встречаются формы, которые характерны лишь для Армянского нагорья. Обнаруженные очаги, и связанные с ними очажные подставки и треножники, свидетельствуя об их значении в быту, делают несомненным и их культовое назначение и одновременно дают возможность судить о культовых представлениях и искусстве древних обитателей Армянского нагорья указанной эпохи. Материалы показывают, что предметом культа служил не только человек, но и животные, птицы и природа вообще.

2. Техника изготовления и орнаментация. Вся керамика изготовлена рукой, характерна система трехчастности кон-

струкции. Некоторым из керамических изделий присуща многослойность. Большинство сосудов имеет черно-лощенную поверхность, иногда встречается также розоватая и серая, подкладка же бывает разных цветов. По своему качеству они делятся на две группы—художественные и кухонные. Художественная керамика украшена желобчатыми, рельефными, выемчато-выпуклыми, выемчатыми и резными орнаментами, которые были выполнены на еще не обожженной мокрой глине путем вдавления, резьбы и щербления. Украшена лишь лицевая сторона посуды. Резные украшения по характеру геометрические. Излюбленными мотивами являются треугольники, меандры, зигзагообразные заштрихованные ленты и ромбы.

Для широких желобчатых украшений характерны спирали, композиции из спиралей и концентрических кругов, а также растительные мотивы.

Выемчатые украшения в основном выражаются круглыми или овальными ямками. В орнаментации преобладает спираль, которая выступает как отдельно, так и в различных сочетаниях. Характерны также птицевидные орнаменты.

Основные периоды развития керамики. Исходя из особенностей развития форм, из характера орнаментации и способа их выполнения, керамику можно разделить на следующие периоды развития, которые в свою очередь делятся на локальные группы:

1. Для керамики первого периода характерна трехчастность, подчеркнутые переходы, глубокий, широкий, желобчатый орнамент. Излюбленными мотивами являются: спирали, концентрические круги, зерновидные борозды, растительные кусты, которые выступают большей частью в сочетаниях и украшают преимущественно раздутое тулово глиняных сосудов. Керамику этого периода развития по местным особенностям можно приблизительно разделить на две группы: южную, условно названную нами **Шреш-блуровской** (Шреш-блур, Кюль-тапа, часть Шенгавита, Яйджи (в Турции) и северную, условно названную **Карнутско-Кироваканской**. Еще одну группу составляет керамика нижнего слоя Караза.

В первом периоде развития керамики появляется также прямолинейный геометрический орнамент, но он встречается

редко. Выполнен в широко желобчатой технике (Карнут, Эч-мнадзинский Кюль-тапа). Изредка употребляются также вогнутые ямки, которые встречаются в различных сочетаниях. Для керамики II периода также характерна трехчастность. Хотя черты орнаментации предыдущего периода сохраняются, но появляются и новые особенности. Шейка сосудов украшается тонколинейными резными геометрическими мотивами, а вздутое тулово — рельефно-вогнутым, узким желобчатым узором.

Керамика этого периода делится на две локальные группы: **Кироваканскую** (все памятники окрестностей Кировакана, памятники долины реки Акстафачай-Сари Соп, Баба-Дервиша, в Аллавердах — керамика из Адви, часть керамики Караза, в Грузии — керамика II комплекса Бешташена, керамика Сабуртало и т. д.) и **Шенгавитскую** (Шенгавит, часть керамики Гарни и Двина). III периоду присуще стремление к упрощению форм и орнаментации глиняных изделий. Делаются характерными сосуды с плавными переходами и вытянутым туловом. Постепенно исчезают ручки. С другой стороны, появляются новые формы и новая техника выполнения, которые получают свое дальнейшее развитие в среднебронзовую эпоху. Желобчатый и рельефно-вогнутый орнамент в основном исчезает. Большая группа керамических сосудов орнаментирована лишь небольшими вдавленными ямками и выступами, которые также постепенно исчезают.

Керамику III периода можно разделить на 3 локальных группы: **Эларскую** (Элар, большая часть керамики Гарни, Ахтамира, Джрарата, Акунка, Нахичевани — II слоя Кюль-тапа, часть керамики Баба-Дервиша, керамика Малаклу, Хорум-булага, Ленинакана, Ацавана, Кахси, Астхадзора, Арчеша (Эрнис). Грузинские параллели — материалы из могильников Бармаксизского шоссе и Таш-баша. В Азербайджанском Иране материалы слоя К Геой-тепе), **Шенгавитскую** (параллели — III комплекс керамики Бешташена, керамика погребения № 19 в Амиранис-гора, Триалети — керамика кургана IV карантин, материалы из погребений Царцис-гора), **Арагацскую** (Арагац, керамика Армавира, Астхадзора, Джрджариса, Шамлуга, Кара-тапа, Арича, совхоза им. Таирова, часть керамики II слоя Нахичеванского Кюль-тапа. Имеет свои параллели в Заглике,

на Северном Кавказе — в поселении Луговое, в могильнике № 2 Карабудахкента, в Яник-тепе Иранского Азербайджана). Все это, несомненно, говорит о том, что керамика III периода со всеми своими локальными вариантами относится к последнему периоду культуры раннебронзовой эпохи, которая, с одной стороны, носит на себе характерные черты культуры ранней бронзы, а с другой — приобретает новые признаки, которые начинают развиваться в эпоху средней бронзы.

Хотя у нас нет еще точных стратиграфических данных для датировки керамики, но исходя из особенностей ее эволюционного развития, из некоторых типологических сравнений, а также наблюдений стратиграфического характера, мы можем датировать I и II периоды развития керамики Армянского нагорья раннебронзовой эпохи I половиной III тысячелетия до н. э., верхний рубеж которой может дойти до 24 века до н. э., а III период — II половиной III тысячелетия до н. э., верхний рубеж которой может дойти до 20 века до н. э.

Глава пятая

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Эта глава посвящена хозяйственной жизни и занятиям древних насельников Армянского нагорья. Изучение многочисленного и разнообразного материала показывает, что в III тысячелетии до н. э. основным занятием населения было земледелие и скотоводство, с подсобной охотой и рыболовством. Как мы видели, население занималось также ремеслами — обработкой камня и кости, керамикой, металлообработкой, ткачеством, выделкой кожи, а также строительством.

Земледелие. Армянское нагорье является одним из древнейших очагов земледельческой культуры. Прimitивное земледелие началось здесь еще в эпоху неолита, но свое развитие оно переживало в энеолитическую и, особенно, раннебронзовую эпоху. О развитии земледелия в эпоху ранней бронзы свидетельствуют остатки различных культурных злаков, а также многочисленные орудия труда. Остатки обуглившихся зерен и

сопровождающие их семена сорняков обнаружены на полу круглых жилищ, у очагов, в кувшинах и ямах. Согласно проф. М. Туманяну, обнаруженные злаки являются зернами круглой пшеницы, шестирядного круглого ячменя и семенами восьми видов сорняка.

Зерна нашли свое отражение и в искусстве раннебронзовой эпохи. Исследования показывают, что культура пшеницы и ячменя еще не была дифференцирована. Урожай собирали из смешанного посева обоих злаков, что является характерной чертой раннего земледелия и имеет археологические и этнографические параллели. Для посева использовались небольшие площадки, расположенные недалеко от поселений, и территории, очищенные от лесов.

Как было сказано во II главе, обнаружено множество орудий труда, связанных с земледелием, которые служили для обработки земли, сбора урожая, обработки сельскохозяйственных продуктов и т. д. Таким образом, в раннебронзовую эпоху в Армянском нагорье и в Закавказье преобладало мотыжное земледелие, но в конце этой эпохи вместе с развитием производительных сил, связанным с развитием металлообработки и скотоводства, создались условия для перехода к обработке земли примитивной сохой, что было основано на использовании крупного рогатого скота, как тяговой силы (доказательством служат колеса от моделей телег и отверстия для ярма на шее глиняных статуэток быков).

В эпоху ранней бронзы берет начало и садоводство (в Гарни обнаружена косточка абрикоса (*Rhipus Armeniaca*)).

Скотоводство. Наряду с земледелием, скотоводство также было передовой отраслью хозяйства и играло важную роль в жизни местных насельников. Это доказывается многочисленным обнаруженным остеологическим материалом и каменными или глиняными фигурками различных животных. Остеологический материал представлен большей частью костями крупного и мелкого рогатого домашнего скота, а также костями лошади, свиньи и собаки. Уже с начала изучаемой эпохи развивались и размножались крупные рогатые животные, которые были преимущественно низкорослыми и мало отличались от диких видов. В различных древних поселениях обнаружены

кости быка (типа *Bos primigenius*), буйвола (типа *Bubalus*), коровы. Крупные рогатые животные обеспечивали население мясом и молочными продуктами, использовались как тяговая сила и делались предметом культа.

В последний период раннебронзовой эпохи получает большое развитие мелкий рогатый скот, лучшим свидетельством чего служит остеологический материал, обнаруженный в Эларе, Гарни, во II слое Нахичеванского Кюль-тапа. Подавляющее большинство среди них составляют кости овцы (*ovis orphion+aries*) и козы (*Capra aegagrus+domestica*).

Рост поголовья мелкого рогатого скота был обусловлен развитием производительных сил общества, что привело к изменению системы скотоводства, появлению кочевого скотоводства. Доказательством этого служат также обнаруженные кости лошади (*Equus caballus*) и осла (*Equus asinus*).

Охота, рыболовство. Об их существовании свидетельствуют многочисленные кости диких животных, находка скелета и отдельных позвонков рыбы, как и наличие охотничьего оружия и рыболовных принадлежностей.

Ремесла. В жизни человека раннебронзовой эпохи важную роль играли ремесла, которые носили кустарный характер. О развитии ткачества свидетельствуют обнаруженные орудия труда — головки веретена, костяные шилья, спицы, иглы. Обнаружен ряд орудий труда, относящихся к выделке кожи. Жители в изучаемую эпоху носили не только вязанную одежду, но, и главным образом, одежду и обувь из шкур и кожи. Кроме названных ремесел, в раннебронзовую эпоху исключительное развитие получают гончарное ремесло, металлообработка и домостроительство.

Закключение. В этой главе в основном рассматриваются вопросы, связанные с возникновением, распространением и датировкой культуры раннебронзовой эпохи.

Из исследованного выше материала было выяснено, что племена-носители этой самобытной культуры были родственны друг с другом, расселялись преимущественно в долинах рек, довольно близко друг от друга, жили в одинаковых условиях и постепенно объединялись в союзы племен. Еще не было ча-

стной собственности. Утверждались патриархальные отношения.

Основной вопрос, выдвигаемый почти всеми учеными, это вопрос возникновения, развития и путей распространения вышеназванной культуры с характерной керамикой. Б. А. Куфтин считает очагом этой культуры Куро-аракское междуречье, а Ч. Барней—Восточную Анатолию. Последний видит очаг ее возникновения с одной стороны в средней части долины Аракса—в районе Еревана и Игдира, а с другой—в Харберте (Элязиг).

Подробный анализ керамики убедительно доказывает, что одним из очагов этой культуры была Айраратская долина с Шенгавитом, другой очаг можно искать по линии Кировакан-Ширак-Эрзерум, обнаружение же сотен памятников ранне-бронзовой эпохи в долине Буланых в Харберте — Малатии дает возможность предполагать, что один из очагов мог быть и здесь.

Некоторые памятники Грузии (нижний слой Бешташена, Озни, Кикети, Амиранис-гора, Сабуртало) частично повторяют признаки керамики Армянского нагорья, а с другой стороны, связываются с керамикой иного типа (из Квацхелеби, Кулбакеби и др.).

Изучение новых памятников, обнаруженных в последние годы, показывает, что в Закавказье и на Северном Кавказе существовал ряд локальных групп, которые хотя и переживали одинаковый период развития и поэтому характеризуются сходными комплексами каменных и металлических изделий, в то же время отличались друг от друга своеобразными местными признаками, которые выражаются как в керамике, так и в вариантах архитектурных сооружений, в различных материалах бытового и культового значения. Подобными локальными группами могут служить памятники, обнаруженные в Нижней Картлии—Квацхелеби, Хизанаат-гора, Гудабертка—Цихиагора, в Азербайджане, возможно, это памятники типа Мингечаури, на северо-восточном Кавказе—типа Каякенд и др.

Периферическими можно считать Геой-тепе и Яник-тепе.

Таким образом, раннебронзовая культура Армянского нагорья развивалась как ведущая часть более широкого культур-

ного единства, границы которого на юге охватывая окрестности озера Ван, доходят до Иранского Азербайджана, на севере его элементы простираются до деревни Мужичи. (ЧИА. ССР). На северо-востоке оно распространяется до Сваза (Зара и Хафик) и Малатии (Аргуван, Экимхан), на юго-западе его элементы проникли в Сирию и Палестину, где эта культура получила название Кирбет-Керакской.

Появление в Сирии и Палестине керамики «Куро-аракского» типа объяснялось некоторыми иностранными учеными миграцией носителей этой культуры, племен Закавказья или Восточной Анатолии. А. А. Иессен считает убедительным временное, но интенсивное проникновение группы жителей с северо-востока в Сирию и Палестину, однако он указывает, что характер этого проникновения во многом еще неясен. Связь Кирбет-Керака с северо-восточной культурой, согласно А. А. Иессену, осуществлялась с одной стороны через армянский Тавр—путем Аргана (Ангх-тун), с другой стороны—через территории южнее Трапезунда и Чороха, т. е. путем Эрзерума—Караза (то же мнение выражает Ч. Барней). Эта точка зрения нам кажется довольно убедительной, так как сравнение нашей керамики с Кирбет-Керакской говорит о том, что одна ее часть связывается с Каразом, а другая (мотивы орнаментации, типы очажных подставок, нехарактерные для Караза)—связаны скорее с Айраратской долиной и Харбертом (Элязыг).

Этническую принадлежность племен—носителей культуры Армянского нагорья еще трудно выяснить, но возможно, это были хурриты или родственные им племена.

Ряд приведенных выше параллелей с материалами культуры Древнего Востока, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа доказывают, что насельники Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. находились в тесных взаимных связях с названными странами. Они испытали на себе их влияние и сами воздействовали на их культуру. Именно поэтому для датировки памятников Армянского нагорья раннебронзовой эпохи, они в пределах возможности сопоставляются с памятниками Ближнего Востока и Кавказа, которые хотя и представляют тот же период исторического развития, но не являются пол-

ностью синхронными, каждый из них отражает степень экономического развития местных этнических объединений, находившихся на различных ступенях общественного развития.

Вопрос датировки довольно сложен и пока не разрешен. Часть ученых датирует эту культуру концом III и началом II тысячелетия до н. э., другие относят ее к концу IV и началу III тысячелетия до н. э. Большинство датирует ее III тысячелетием до н. э.

Изучение памятников Армянского нагорья раннебронзовой эпохи показало, что они не синхронны друг другу. Принимая за основу три периода развития керамики, их можно разделить на три крупные хронологические группы, причем I и II периоды условно можно датировать первой половиной III тысячелетия до н. э., их верхний рубеж может дойти до 24 века до н. э., а III период может быть датирован более точно и определенно, так как кроме керамики, этот период богат и металлическими изделиями, литейными формами, которые находят свои параллели на Древнем Востоке, в Грузии, на Северном Кавказе и датируются второй половиной III тысячелетия до н. э. Верхним рубежом этого периода можно считать 20 век до н. э.

Основываясь на радиоуглеродном анализе C_{14} памятников Нахичеванского Кюль-тапа и Квацхелеби, некоторые ученые в последнее время выдвигают другую датировку металлических предметов и литейных форм Закавказья раннебронзовой эпохи, т. е. датируют их первой половиной III тысячелетия до н. э. Однако, чрезвычайно характерная эволюция керамики местной материальной культуры Армянского нагорья, как и другие обстоятельства, доказывают правильность отнесения II слоя Нахичеванского Кюль-тапа и параллельных им памятников не к началу эпохи ранней бронзы, а к ее концу.

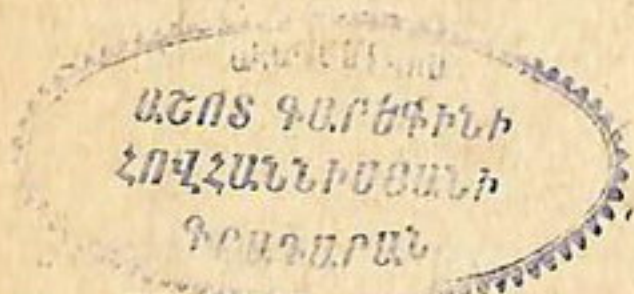
Таким образом, хронологические вопросы культуры раннебронзовой эпохи нельзя считать разрешенными. Сделаны пока еще первые опыты определения возраста древних археологических материалов Закавказья радиоуглеродным методом. Следовательно, датировка может получить свое окончательное решение путем исследования ряда крупных памятников, дающих стратиграфический материал, и обнаружением датирую-

щих каждый слой многообразных металлических и других предметов. Может быть, на помощь придут радиоуглеродный и другие научные методы определения возраста археологического материала.

Все отмеченные факты, ряд выводов и некоторые высказанные соображения бесспорно свидетельствуют о необходимости дальнейших, более широких исследований памятников материальной культуры эпохи ранней бронзы.

Список опубликованных работ по диссертации.

1. Разведочные раскопки в окрестностях Кировакана. Известия АН АрмССР, 1962, № 10.
2. Лчашенский курган № 6. КСИА АН СССР, 1962, вып. 91.
3. Энеолитическое поселение близ Кировакана. Советская археология, 1963, № 1.
4. Первые данные о металлургии Армянского нагорья в эпоху древней бронзы. «Историко-филологический журнал» АН АрмССР, 1963, № 3.
5. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. Советская археология, 1964, № 2.
6. Шреш-Блурская и Кюль-Тапинская керамика и ее искусство. «Историко-филологический журнал» АН АрмССР, 1964, № 3.

ВФ 07380

Заказ 412

Тираж 150

Типография изд. АН Армянской ССР, Ереван, Барекамутян 24

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0467204

[20K]

Noah
956